

К.В. Шмугурова

Новосибирский государственный университет

**Вербализация концепта *Радость*
в поэтической картине мира Ф. Сологуба**

Аннотация: На основе анализа лексических репрезентаций и текстовых ассоциатов концепта *Радость*, вербализованных в поэтических текстах Ф. Сологуба, описывается понятийное ядро данного концепта и устанавливается его роль в организации поэтического пространства.

Basing on analysis of lexical representations and textual associates of the concept *Radost'* that were verbalized in the F. Sologub's poetical worldview, we describe the conceptual nucleus of this concept and it's role in poetic space organization.

Ключевые слова: поэтическая картина мира, поэтический концепт, ассоциат, ассоциативный блок.

Poetical worldview, fiction concept, associate, associative block.

УДК: 81 + 81.23 + 81.37.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (3432) 3634230. E-mail: kseniash@ngs.ru.

Тоска, Страх, Смерть, Судьба – ключевые концепты поэзии Ф. Сологуба. Однако в его поэтическом пространстве играет важную роль и концепт *Радость*. В мрачной реальности, созданной поэтом, находится место не только миру земному, с его страданиями и тоской, но и небесному – где *люди радостны, как боги*. Чувства тоски (заметим, что именно тоска, а не печаль, грусть, томление, несет основную смысловую нагрузку в организации поэтического пространства Ф. Сологуба – *с моим болезненным томленьем святой тоски не сочetaй*) и радости окрашивают соответственно бытие земное и бытие небесное, представляя тем самым одну из реализаций дихотомии бытия на эмоциональном уровне. Это и определяет своеобразие функционирования концептов *Тоска* и *Радость* в поэтической картине мира (далее – ПКМ) Ф. Сологуба.

При анализе контекстов с эксплицитными репрезентациями концепта *Радость*, а также текстовых ассоциатов и ассоциативных блоков (далее – АБ) мы выявили понятийное ядро концепта *Радость* и его смысловые грани, которые находят воплощение в поэзии Ф. Сологуба и определяют значимость этого концепта в его индивидуально-авторской картине мира. Под текстовым ассоциатом понимается «реакция на стимул, смысловой коррелят к слову-стимулу – элементу лексической структуры текста, соотносимый в сознании воспринимающего текст субъекта с реалиями текстового мира, сознания, а также с другими словами» [Болотнова, 2008, с. 9]. Ассоциативный блок – особый способ организации текстовых ассоциативно-смысловых полей, «пучок» текстовых ассоциатов, репрезентирующих общий эстетический смысл слова-стимула [Карпенко, 2000, с. 16].

Понятийное ядро концепта *Радость* в ПКМ Ф. Сологуба составляют следующие признаки.

1. 'Ощущение свободы'. Переживая радость, лирический герой освобождается от оков и цепей, созданных его мироощущением: *Цветы душисты, птицы ра-*

ды, / *Душа свободна и смела* (7, 255)¹; *Новый человек во мне проснулся, / Свободный, / И радостно и чутко я на землю оглянулся*. Лирический герой характеризует себя как *нового человека* – человека, который открыл (*проснулся*) в себе новые грани, почувствовал свободу.

2. 'Легкость', 'чистота', 'свет': *Радость легка и чиста* (8, 221); *Станет радостно сиять / Для меня нездешний свет* (7, 82–83); *Что ядовитых и печальных струй / В сиянии радостном душа не различила* (7, 415–416); *И мы шли по широким полям, / И цветы улыбались нам, / И смеясь, лепетала волна, / Что вокруг нас – потерянный рай, / Что я светлый и радостный май, / И что ты – молодая весна* (7, 124). Радость как свет (*сиять, сиянье, свет, светлый*) – одна из фундаментальных метафор радости, которая находит отражение не только в ПКМ Ф. Сологуба, но характерна для европейской культуры в целом (см.: [Красавский, 2003]).

3. 'Смирение': *В смиренье благостном и строгом, / Стихи певучие плещи!* (7, 14); *И снова непорочно молод, / Как в первозданный майский год. // Вернувшись к ясному смиренью, / Чужие лики вновь люблю, / И снова радуюсь твою, / И все цветущее хвалю. // <...> В душе смиряется досада, / И снова облик жизни чист, / И вновь душа беспечно рада, / Как будто соловьиный свист / Звучит в нерукотворном храме / Победное колебля знамя* (8, 155). Со смирением к лирическому герою приходят успокоение, спокойствие и покой: *Прикосновенье сочных трав / К твоим ногам и ласково и нежно. / Смиранный путь спасителен и прав, / А ты бежал его мятежно. // Теперь, спокойный и простой, / Ты вышел на простор и рад простору. / И небо так спокойно над тобой, / И так вся даль доступна взору* (7, 256).

Сема спокойствия и безмятежности актуализируется в слове категории состояния *спокойно-радостны*, которая также выражает отсутствие томлений и желаний: *Вы спокойно-радостны, что вам пожелать! <...> Разве есть томление с неизбывной жаждой? Все, что было пламенем, в вас теперь зола. Вам, спокойно-радостным, нечего желать* (7, 19). Однако состояние покоя, сопутствующее радости, не всегда получает положительную эмоцию и оценку. Сравнение с золой вызывает ассоциации с отсутствием жизни, с тем, что уже перегорело, пережито, отжило.

4. 'Отсутствие желаний / желания' – наличие или отсутствие данного признака зависит от того, в каком АБ вербализуется концепт *Радость*, а также может быть связано с противопоставлением духовного / телесного. В ПКМ Ф. Сологуба находит воплощение *телесная радость*, как правило, связанная с ожиданием и желаниями: *Переношусь попеременно / От безнадежности к желаньям* (7, 79–80); *И знойной радостью желаний / Был сладкий воздух напоён* (7, 33).

5. 'Ощущение молодости': *Но есть одно, чему всегда я рад / И с чем всегда бываю светло-молод, – / Мой труд* (8, 214).

В ПКМ Ф. Сологуба концепт *Радость* актуализируется в следующих АБ: 1) вдохновенье – свобода – творчество – радость; 2) мечты – надежды – любовь – радость; 3) радость разрушенья – увядание – смерть. Кратко опишем каждый.

Ассоциативный блок вдохновенье – свобода – творчество – радость. Вдохновение, как и радость, предстает таинственной силой, имеющей божественное начало. Творчество, как процесс созидания, приближает человека к неземному миру, роднит его с Творцом, что приносит безусловную радость лирическому герою. В стихотворении «Не понимаю, отчего...» лирический герой выражает чувства восторга и удивления перед феноменами вдохновения и свободы, потому что благодаря им, как *неизбежной власти сил, мертвенная и скудная природа оживает, одухотворяется*. Сопричастным этому чуду, частью единой духовной

---

¹ Здесь и далее ссылка дается на том и страницу издания [Сологуб, 2004].

жизни ощущает себя и лирический герой: *В природе мертвенной и скудной / Встает какой-то властью чудной / Единой жизни торжество. // Я вижу вечную природу / Под неизбежной властью сил, – / Но кто же в бытие вложил / И вдохновенье и свободу? // И в этот краткий срок земной, / Из вещества ложась земного, / Как мог обрести я мысль и слово / И мир создать себе живой? // Окрест меня все жизнью дышит, / В моей реке шумит волна, / И для меня в полях весна / Благоухания колышет // Но не понять мне, отчего / В природе мертвенной и скудной / Воссоздается властью чудной / Духовной жизни торжество* (7, 61–62).

В приведенном отрывке находит отражение не только ассоциативная связь вдохновения, свободы и радости, но и воплощается радость единой жизни, утверждение созидательного начала (*власть чудная*) и преклонение перед ним, духовной жизни торжество. В беспросветном бытии лирического героя, пожалуй, единственная вещь, которая радует его всегда, приводит в состояние восторга, – это вдохновение – самая ценная и единственная награда за все трудности, переживаемые на земле: *Я испытал превратности судеб / И видел много на земном просторе, / Трудом я добывал свой хлеб, / И весел был, и мыкал горе. <...> // Но есть одно, чему всегда я рад / И с чем всегда бываю светло-молод, – / Мой труд. Иных земных наград / Не жду за здешний дикий холод <...>* (8, 214).

«Я – поэт» – это земное предназначение Ф. Сологуба, его отрада и награда, та тонкая, но нерушимая связь с недоступным и таинственным бытием, дарующая свет и вечную молодость (*светло-молод*): *Но, Божьим радуясь вельням, / Согласованьям бытия, / Внезапным вспыхнет вдохновеньем / Душа усталая моя* (7, 237); тот диалог между лирическим героем и Богом, который может происходить только в уединении и тишине: *О, пустынная радость! / О, безлюдье далеких равнин! / Тишины безмятежная сладость, / И внимающий – только один* (7, 217–218).

Если страдания и тоска мыслятся как глубокие длительные состояния, предопределенные поэту судьбой, которые нужно смиренно перенести, то вдохновение и радость творчества – это мгновения, вспышки света, прекрасные, но короткие озарения в томительном бытии: *Бывают дивные мгновенья, / Когда насквозь озарено / Блаженным светом вдохновенья / Все, так знакомое давно. // Все то, что сила заблужденья / Всегда являла мне чужим, / В блаженном свете вдохновенья / Опять является моим. // Смиряются мои стремленья, / Мои безбурны небеса. / В блаженном свете вдохновенья / Какая радость и краса!* (8, 208). Лексически эти душевные состояния выражаются метафорами света: *свет вдохновенья* (3 раза), *насквозь озарено*, *безбурны небеса* (т. е. чистые, ясные).

Метафора света реализуется и в стихотворении «Безгрешный сон» (7, 195): *Безгрешный сон, / Святая ночь молчанья и печали! / Вы, сестры ясные, взошли на небосклон, / И о далеком возвещали. // Отрадный свет, / И на земле начертанные знаки! / Вам, сестры ясные, земля моя в ответ / Взрастила грезящие маки. // В блестящем дне / Отрада есть, – надежда вдохновенья. / О, сестры ясные, одна из вас ко мне / Сошла в тумане сновиденья!* Текстовые ассоциаты с семантическим компонентом ‘свет’ *святая ночь, сестры ясные* (звезды) (3 раза), *отрадный свет, блестящий день, грезящие маки* (сема ‘красный’, т. е. яркий) актуализируют на ассоциативном уровне концепт *Радость* в сознании читателя.

Ожидание вдохновения волнительно еще и потому, что поэт воспринимает его приход как время чудес: *Настало время чудесам. / Великий труд опять подымаю. <...> Настало творческое время. / Земное бремя тлеет вновь. / Моя мечта, моя любовь / Восставит вновь иное племя. // Подруга-смерть, не замедляй, / Разрушь порочную природу / И мне опять мою свободу / Для созидания отдай* (7, 257–258). Это время особенно радостно, поскольку, как мы уже отметили, ассоциируется у лирического героя со свободой и созиданием, когда поэт освобождается от *земного бремени*.

Но когда проходят эти счастливые, радостные часы вдохновения и творческих порывов, поэт снова погружается в печаль, уныние, скитания, возвращаясь к своим обыденным делам и мыслям: *Короткая радость сгорела, / И снова я грустен и нищ, / И снова блуждаю без дела / У чуждых и темных жилищ. // Я пыл вдохновенья ночного / Больною душой ощущал, / Виденья из мира иного / Я светлым восторгом встречал. / Но краткая радость сгорела, / И город опять предо мной, / Опять я скитаюсь без дела / По жесткой его мостовой.* В период вдохновения лирический герой ощущает себя духовно богатым (ср. *снова грустен и нищ*), потому что чувствует единение с миром таинственного и неземного, ощущает восторг и полноту жизни, что приносит ему светлую радость, освобождающую от земных оков.

Ассоциативный блок любовь – надежда – мечты – радость. Как и рассмотренный выше АБ *вдохновенье – свобода – творчество – радость*, этот АБ – один из светлых и жизнеутверждающих в поэтическом пространстве Ф. Сологуба. Как вдохновение и творчество, так и любовь способна увести лирического героя от повседневной суеты и безрадостного существования: *Люби меня ясно, как любил заря, / Жемчуг рассыпая и смехом горя. / Обрадуй надеждой и легкой мечтой / И тихо погасни за мгливой чертой.* Любовь представляется радостным милым пленом, в отличие от обременяющего плена земной жизни. В ожидании этого сладостного плена зиждется надежда и мечта, без страха и волнений. Метафора света и в этом АБ предстает тем семантическим звеном, который объединяет в сознании читателя любовь, надежду, мечты и радость в один ассоциативный ряд, соотносимый с определенной ситуацией действительности: *люби ясно, заря* (любовь сравнивается с зарей), *жемчуг, горя, погасни*, и активизирует ассоциативную деятельность воспринимающего текст.

В сологубовском поэтическом микрокосмосе любовь вербализуется в многообразных по своему повествовательному содержанию контекстах: *Душа беспечно рада / Веселым голосам. // Под всякою личиной / Я узнавать привык / Любви, всегда единой, / Непостижимый лик* (8, 199). Так, значительное место занимает телесная любовь, легко и кокетливо обыгрываемая автором. Как следствие, и радость, связанная с любовными чувствами лирического героя, находит отражение не только на духовном уровне, как неземная сущность, но и, в немалой степени, на телесном, а объектом радости и любви становится не небесное притяжение, а конкретные проявления любви – здесь и томительное, но сладостное ожидание, и радостные ласки, и рай в шалаше и т. д.: *Сердце торопится биться, – / Твой ожидающий взгляд / Рад бы ко мне обратиться, / Я ожиданию рад* (7, 128); *Все нам волнует кровь, / И сказывает сказки / Про радостные ласки, / Про сладкую любовь* (8, 161); и др.

Любовь, как и вдохновение, дарит свободу и ощущение полноты жизни: *Душа опять звучит стихами. / Пришла весна, и в сердце вновь, / Чаруя радостными снами, / Воскресла милая любовь. // Устал, устал я жить в затворе, / То ненавидя, то скорбя. / Хочу забыть про зло и горе / И повторять: «Люблю тебя!»* (8, 191).

В ассоциативном развертывании стихотворения «Душа опять звучит стихами» можно видеть переключку с АБ *вдохновенье – свобода – творчество – радость*. Во-первых, это выражается в творческих порывах лирического героя (*душа звучит стихами*), во-вторых, в общем подъеме жизненных сил, который ассоциируется с возрождением и обновлением, что находит отражение в ассоциатах *опять, весна, вновь, воскресла*, и, в-третьих, в желании лирического героя освободиться от оков ненависти, стать свободным, повтор слова *устал* имплицитно свидетельствует о его готовности действовать, тем более что заканчивается стихотворение жизнеутверждающей строфой: *Пойми, пойми, – пока мы живы, / Пока не оскудела кровь, / Все обещания не лживы, / И не обманет нас любовь.*

Ассоциативный блок *радость разрушения – увядание – смерть*. В поэтическом пространстве Ф. Сологуба радость может быть не только вдохновенной и просветляющей, но и злой. Это выражается в таких репрезентациях, как *злая радость* и *радостное зло*. Как правило, злая радость вербализуется в контекстах с мотивами смерти, зла, разрушения: *И возникнет в дни отмиценья, / В окровавленные дни, / Злая радость разрушенья, / Облеченная в огни*. При этом все ассоциаты, связанные со смертью, получают положительную эмоциональную оценку лирического героя, поскольку смерть ассоциируется прежде всего с избавлением от ноши земных страданий, а значит – с облегчением и освобождением, поэтому становится *отрадна тихая могила, отрадно злое зелие, великая отрада яда*, которое может погрузить в забвение: *Преодолев несносные преграды, / И смерти рад, / Вперяю я внимательные взгляды / В их светлый град* (7, 104); *Мир земной вражда заполонила, / Бедный мир земной в унынье погружён, / Нам отрадна тихая могила / И подобный смерти, долгий, темный сон* (7, 102); и др. Радость разрушения ассоциируется прежде всего с забвением и умиранием. Это связано с тем, что в смерти поэт видит главным образом избавление от страданий и приближение к иному бытию. Все, что так или иначе связано с иным бытием, получает положительную оценку.

Таким образом, несмотря на то, что поэтическое пространство Ф. Сологуба характеризуется в основном декадентскими настроениями, в его мифологизированном поэтическом мире немаловажную роль играет и концепт *Радость*, который находит воплощение в ассоциативно-смысловых блоках, связанных с иным бытием. Наряду с земным бытием, иное бытие является основополагающим звеном поэтического микрокосмоса Ф. Сологуба, что и определяет ключевое значение и богатство содержания концепта *Радость* в его индивидуально-авторской картине мира.

Литература

- Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск, 2008.
- Карпенко С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилева): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
- Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М., 2003. Т. 7 (дополнительный): Лазурные горы: Стихотворения. М., 2004. Т. 8 (дополнительный): Соборный благовест: Стихотворения. Ярый год: Рассказы. Сочтенные дни: Рассказы. М., 2004.